

УДК 316.334.3:316.653-049.2
DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939
Шифр специальности ВАК: 5.7.7

«Живая традиция» конфуцианского гуманизма в современном китайском обществе

О.А. Скальная✉

Тихоокеанский университет, Перу, г. Лима

✉oxanaskalnaya@gmail.com

Аннотация. В процессе динамичных социально-экономических преобразований и в поисках духовного ресурса нации Китай обращается к этике конфуцианства, а также к классическим конфуцианским концепциям идеального общества. Так, конфуцианская идеология предлагает принципы, которые способствуют созданию основанного на уважении, гуманности и взаимопонимании гармоничного общества. **Актуальность** предлагаемого исследования заключается в том, что традиции конфуцианства и сегодня оказывают существенное влияние на социальную структуру современного китайского общества в рамках политики «возрождения конфуцианства». Концепт «живая традиция» раскрывает понимание роли конфуцианских традиций, что особо актуально ввиду интенсифицирующегося взаимодействия с Китаем. **Цель:** концептуализировать значение конфуцианского гуманизма в интерпретации Ду Вэймина через обращение к принципам конфуцианской этики, раскрыть сущностное содержание данного социального феномена в динамике китайского общества на основании таких конструктов, как гуманность «жэнь», ритуал «ли» и гармония «хэ». **Результаты.** Сделан вывод, что, несмотря на серьезные внутренние и внешние социальные преобразования, Китай продолжает следовать традиционной формуле «ти-юн» как витальной основе концепта «живая традиция». Подчеркивается, что современное общество Китая, адаптируясь к мировым глобализационным процессам, не теряет связи с духом конфуцианства.

Ключевые слова: конфуцианство, политика возрождения конфуцианства, конфуцианский гуманизм, гуманность «жэнь», Ду Вэймин, китайское общество

Для цитирования: Скальная О.А. «Живая традиция» конфуцианского гуманизма в современном китайском обществе // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 253–261. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939

UDC 316.334.3:316.653-049.2
DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939

"Living tradition" of Confucian humanism in modern Chinese society

O.A. Skalnaya✉

Universidad del Pacífico, Lima, Peru

✉oxanaskalnaya@gmail.com

Abstract. In the process of dynamic socio-economic transformations and in search of the spiritual resource of the nation, China turns to the ethics of Confucianism and to classical Confucian concepts of the ideal society.

Thus, Confucian ideology offers principles that contribute to the creation of a harmonious society based on respect, humanity and mutual understanding. **Relevance.** The traditions of Confucianism today as well have a significant impact on the social structure of modern Chinese society within the policy of “revival of Confucianism”. The concept of “living tradition” reveals an understanding of the role of Confucian traditions, which is especially relevant in view of the intensifying interaction with China. **Aim.** To conceptualize the meaning of Confucian humanism in the interpretation of Du Weiming through an appeal to the principles of Confucian ethics, to reveal the essential content of this social phenomenon in the dynamics of Chinese society based on such constructs as humanity “ren”, ritual “li” and harmony “he”. **Results.** It is concluded that, despite serious internal and external social transformations, China continues to follow the traditional formula of “ti-yong” as the vital basis of the concept of “living tradition”. It is emphasized that modern Chinese society, adapting to world globalization processes, does not lose touch with the spirit of Confucianism.

Keywords: Confucianism, policy of Confucianism revival, Confucian humanism, “ren” humanity, Tu Weiming, Chinese society

For citation: Skalnaya O.A. "Living tradition" of Confucian humanism in modern Chinese society. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 253–261. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939

Конфуцианство как витальная идеология современного Китая

Китай, с 1970-х гг. являя собой яркий пример дихотомии локальных традиций и глобального влияния, к концу XX в. выработал успешную формулу устойчивого внутреннего роста, обеспечивающую активное экономическое развитие и социальную стабильность, а также механизм внешнего взаимодействия, направленный на эффективную международную экономическую экспансию. Данная формула обозначается как «ти-юн», или «китайское в качестве основы, западное для применения» (кит.: 中学为体, 西学为用), где «китайское» понимается как идеологическая основа, а западная наука – как прикладные к ней научно-технические достижения. Китай вбирает то, что представляется актуальным на определенном этапе, и модифицирует заимствованный опыт под свои задачи, не меняя, однако, духовной основы и, таким образом, формируя уникальный путь своего развития.

Одной из важнейших теоретических и практических социальных проблем в развитии современного Китая является его реформирование в условиях внутренних преобразований и внешних глобализационных процессов. Что касается внутренних процессов, то в современном Китае интенсифицируется политика «возрождения конфуцианства». Уже с конца XX в. наблюдается рост внимания коммунистической партии Китая к конфуцианскому наследию. В 1980-х гг. начинается период «конфуцианской лихорадки» (кит.: 儒学热), который с 1990-х гг. был переименован в «отечественную науку» (кит.: 国学). В начале XXI в. китайским руководством была провозглашена политика «управления государством с помощью морали» (кит.: 以德治国) и зазвучал призыв «поставить древность на службу современности» (кит.: 古为今用) с целью восстановления ранее утраченных культурных ценностей. Государственные институты в современном Китае активно продвигают конфуцианские идеи, включая реставрацию и реконструкцию конфуцианских святилищ и храмов, проведение праздников и мероприятий как на родине Конфуция, в городе Цюньфу, так и в других городах. Конфуцианские университеты и исследовательские центры играют важную роль в сохранении и трансляции конфуцианских традиций. Эти учреждения предоставляют образовательные программы, что способствует современному приложению конфуцианства к социокультурным реалиям Китая [1]. Возрождается система обучения через институты шуюань (кит.: 书院), в начальных классах современных школ Китая является обязательным изучение таких конфуцианских трактатов, как Дицзы-гуи (кит.: 弟子规) и Саньцзы-цзин (кит.: 三字经). Вклад кон-

фуцианской педагогики в область образования и воспитания остается важным и актуальным, способствуя созданию ценностно-ориентированного и этически сознательного общества. Другим примером служит активное создание с 2004 г. сети институтов Конфуция, официальных центров изучения китайского языка и культуры по всему миру, являющихся проявлением мягкой, или культурной, внешней экспансии Китая.

На фоне экономического роста китайским руководством в рамках реставрации конфуцианских идей формируется «общество малого благоденствия», или «сяокан» (кит.: 小康). Введенная в современный оборот в 1979 г. политическим лидером Дэн Сяопином эта традиционно конфуцианская концепция обрела современное трактование – «упорядоченное общество, построенное на принципах солидарности, взаимопомощи; стремление к определенному уровню жизни простого народа, приближенному к малому достатку, то есть то состояние, когда семья имеет небольшое имущество, но ее еще нельзя назвать богатой» [2, с. 17]. Параллельно с идеей строительства современного общества «сяокан» преследуется цель преобразования Китая в «гармоничное общество» (кит.: 和谐社会), в основе которого лежит классический конфуцианский проект «Великого единения» (кит.: 大同). Так, «... конфуцианство становится духовной составляющей социализма с китайской спецификой, идет процесс соединения китайского марксизма с конфуцианством» [3].

Вышеперечисленные политические эпистемы китайской модели модернизации разворачиваются на фоне еще одной идеи – идеи гармоничного развития мира и формирования «общества единой судьбы человечества» (кит.: 人类命运共同体), впервые выдвинутой Китаем в 2011 г. Данные политические концепции являются отражением того, что в центре экономической модернизации Китая имеет место культурная, или духовная, модернизация страны, фундаментом которой выступают конфуцианские традиции. Конфуцианские принципы призывают к гармонии, гуманности, соблюдению этико-ритуальных традиций. Конфуцианские традиции как «моральный компас» китайского общества представляют собой ценностную систему, объединяющую личную и социальную этику, и обнаруживают себя в отношениях в семье, на работе, в кругу друзей – иными словами, затрагивают все области жизнедеятельности.

Личная мораль как базис социальной гармонии

В Китае этика (кит.: 伦理, расшифровка – теория о морально-этических нормах в рамках иерархии межличностных отношений [4]) предшествовала религии, тем самым являясь основным регулятором жизнедеятельности китайского общества. По словам Моу Цзунсяня, «У конфуцианцев мораль (дао-дэ) не замкнута в ограниченной сфере, не составляет с религией две противоположные сферы, как на Западе. Мораль у них обладает безграничным проникновением. Моральные действия имеют границы, но та реальность, на которой они основаны и благодаря которой являются таковыми, безгранична» [5, с. 6]. Важно, что личная мораль является условием для следования внешним этическим нормам [6].

Система конфуцианской этики зародилась при феодальном устройстве общества, где главенствующее место занимала семейная ячейка. Считалось, что только будучи добропорядочным членом семьи, можно быть достойным гражданином. Конфуцианские этические нормы регулируют поведение самого индивида, отношения членов семьи, общественные отношения, взаимодействие государства и граждан. Так, конфуцианство призывает к самосовершенствованию посредством культивирования пяти добродетелей, или постоянств «у-чан» (кит.: 五常): гуманности (кит.: 仁), справедливости (кит.: 义), ритуал-этикета (кит.: 礼), разумности (кит.: 智) и доверия/искренности (кит.: 信), как основополагающих для формирования личной этики индивида. Личная мораль выступает базисом социальной гармонии, о чем говорится в конфуцианском каноне «Да-сюэ» (кит.: 大学): «Те, которые старались хорошо управ-

лять своими царствами, желали прежде всего учредить хороший порядок в своих семьях. Те, которые старались учредить хороший порядок в своих семьях, старались прежде всего исправить самих себя. Те, которые старались исправить самих себя, старались прежде всего установить правду у себя в сердце (душе)» (кит.: 欲治其国者, 先齐其家, 欲齐其家者, 先修其身, 欲修其身者, 先正其心) [7]. «Хороший порядок в своих семьях» – этот тезис транслирует то, что китайцы придают большое значение семейным отношениям и обязанностям каждого члена семьи. Примечательно, что в конфуцианстве государство рассматривается как большая семья, а руководитель – как заботливый отец, по отношению к которому следует проявлять почтительность.

Китай – страна с коллективистской культурой, где человек зависим от и немислим без общества, поэтому можно утверждать, что этические нормы социально-ориентированы. Социальная этика (социальная мораль, социальное доверие) подразумевает под собой соблюдение иерархии, поддержание гармонии, гуманное отношение к другим. Соблюдение социальной организации и строгой иерархии китайского общества обеспечивается следованием пяти нормам человеческих отношений, или «у-лунь» (кит.: 五伦). «У-лунь» можно интерпретировать как этикет межличностных отношений, механизм взаимодействия человека и общества. Всего выделяется пять основных типов отношений, или «пять связей»: государь–подданный, родители–дети, муж–жена, старший–младший, друг–друг. В конфуцианском труде «Лунь Юй» прописаны нормы и правила выстраивания отношений каждого типа. Другая ключевая социально-этическая концепция, необходимая для поддержания данной системы межличностных отношений, – сыновняя почтительность «сяо» (кит.: 孝), означающая повиновение, почтение, заботу со стороны младших по отношению старшим. Данное понятие неразрывно с определением гуманности по Конфуцию: «Очень мало бывает людей, которые, обладая сыновней почтительностью и любовью к старшим братьям, склонны выступать против высших. И вовсе не бывает людей, которые не любили бы выступать против высших, но любили бы затевать смуту. Благородный муж все свои усилия сосредоточивает на корне. Когда корень заложен, то рождается Дао-Путь. Сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям – это и есть корень человеколюбия.» (Лунь Юй I,2) [8, с. 295].

Характерной чертой конфуцианской этики является универсальность применения конфуцианских этических принципов в китайском обществе, от работы над собой до управления государством. Конфуцианство – это «учение о том, как быть человеком», и в свете глобальных проблем актуальность гуманистической этики Конфуция возрастает как в современном Китае, так и в мире. *Ключом же к пониманию этических принципов конфуцианства является традиция конфуцианского гуманизма.*

Конфуцианский гуманизм как механизм самосохранения традиций

Многие исследователи обращались к рассмотрению феномена «традиции». Для целей настоящего исследования релевантным представляется дефиниция, данная В.В. Колбановским, который рассматривает традицию как социокультурный феномен совместно с другим взаимодействующим механизмом функционирования общества – инновацией [9]. Не менее важна позиция Э.Г. Абрамяна. Для него традиция выступает как «...механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы...» [10, с. 93]. По нашему мнению, именно в таком качестве гуманистическая традиция конфуцианства представлена в китайской культуре наряду с другими социальными феноменами.

Являясь областью междисциплинарного исследования, гуманизм претендует на ведущую роль в социокультурных трансформациях человечества. Гуманизм восточных учений относится к созерцательному гуманизму. *Конфуцианское учение исторически считается одним из первых философских школ, обратившихся к вопросам гуманизма, к роли и месту человека в*

мире. Например, конфуцианский идеал благородного мужа, или «цзюньцзы» (кит.: 君子) сыграл определенную роль в становлении гуманистических ценностей в Китае. Исследования конфуцианского гуманизма в современной литературе представлены такими философами, как Ду Вэймин (кит.: 杜维明), Хуан Цзюньцзе (кит.: 黄俊杰), Пэн Госян (кит.: 彭国翔), Чан Вингцит (кит.: 陈荣捷, англ.: Chan Wing-tsit), Яной С. Рошкер и другими. Ду Вэймин, теоретик Гарвардского университета, основатель Института продвинутых гуманистических исследований и Института мировой этики в Пекинском университете, является несомненным мировым авторитетом и представляет Бостонскую школу постконфуцианства, или постнеоконфуцианства (по А.И. Кобзеву). Ду Вэймин начал развитие своих философских идей на Западе, будучи основателем и представителем Бостонской школы (наряду с Р.К. Невиллом и Дж. Бертронгом), или нового конфуцианства третьей волны, однако в то же время не терял связи с постнеоконфуцианским течением в континентальном Китае, в связи с чем его работы могут справедливо претендовать на научную объективность в исследованиях конфуцианского гуманизма. Работы Ду Вэймина посвящены изучению конфуцианства, которое автор определяет как «живую традицию» (англ.: “living tradition”) [11], подчеркивая роль конфуцианского гуманизма в укреплении ценностных ориентиров современного китайского общества, в формировании этической парадигмы человечества в рамках «конфуцианского мегапроекта» Китая.

Ду Вэймин утверждал: «Конфуцианский гуманизм является скорее инклюзивным, чем эксклюзивным. Он не отстраняется ни от духа, ни от природы. Он одновременно является и натуралистическим, и духовным» [12, с. 190]. Концепцию гармонии как предпосылку инклюзивности гуманистических идей в конфуцианском осмыслении Ду Вэймин отмечает в другой своей работе: «Confucian humanism, by focusing on harmonious relationships at the personal, communal, national, regional, and global levels, offers a philosophy of life and a worldview that celebrates diversity without falling into the pitfall of pernicious relativism» (перевод автора: «Конфуцианский гуманизм, фокусируясь на гармоничных отношениях на личном, общественном, национальном, региональном и глобальном уровнях, предлагает философию жизни и мировоззрение, которые прославляют разнообразие, не попадая при этом в ловушку пагубного релятивизма») [13, р. 8]. Гармония «хэ» (кит.: 和) выступает ключевой аксиологической характеристикой конфуцианства: «При осуществлении Правил ценным является достижение единства через разномыслие». (Лунь Юй I,12) [8, с. 304]. Тем самым подчеркивается важность соблюдения межличностной этики и гармоничных отношений, что отмечено и в конфуцианском каноне «Мэнцзы»: «Благовремение от Неба значит меньше, чем выгоды от местности, выгоды от местности значат меньше, чем согласие людей» (Мэнцзы 4.1) [14, с. 321].

Согласно позиции Ду Вэймина, в конфуцианстве гуманистическая направленность человека является условием его полноценной самореализации. Ученым отмечается важность самосовершенствования (кит.: 修身) путем упорной работы над собой, обучения, веры в улучшение себя: «...we should have faith in the malleability, transformability, improvability and perfectibility of the human condition through individual and communal self-effort» (пер. автора: «...мы должны верить в податливость, трансформируемость, возможность улучшения и совершенствования человеческого существования посредством индивидуальных и коллективных усилий») [13, р. 2].

Внутренняя гуманность, или «жэнь» (кит.: 仁), является центральной добродетелью, или постоянством, в конфуцианском учении [15]. Ду Вэймин дает следующее определение гуманности: «As a concept of personal morality, jen is used to describe the highest human achievement ever reached through moral self-cultivation» (пер. автора: «Как концепция личной морали, жэнь используется для описания наивысшего человеческого достижения, когда-либо обретенного посредством нравственного самосовершенствования») [16, р. 31]. Однако эти-

мологически «жэнь» – это «человек в обществе» (англ.: «man in society») [17], то есть человек и общество неразрывны. Самопознание происходит через призму социальных отношений, поэтому «Я» рассматривается как «центр отношений» и, по словам автора, личное – это не обязательно собственное. То есть социальное и личное находятся в тесной взаимосвязи: «...самосовершенствование должно выходить за рамки приватизированного эгоцентризма и служить общественному благу» [18, с. 26]. В самом конфуцианском учении нет выраженной дихотомии личное–социальное, и реализация человека по Конфуцию возможна только во взаимосвязи с социумом, через ритуал «ли» (кит.: 礼). Ду Вэймин выделяет четыре стадии гуманизации через ритуал «ли»: работа над собой, порядок в семье, управление государством, порядок в мире [17], согласно трактату «Да-сюэ». Ду Вэймин также вторит изречению Конфуция – «Преодолеть себя и вернуться [в словах и поступках] к Правилам – в этом заключается человеколюбие» (Лунь Юй XII, 1) [8, с. 381], тем самым подчеркивая главенство гуманности над ритуалом и отмечая важность соблюдения баланса между «жэнь» и «ли», находящихся в динамичных отношениях. В целом «жэнь» как личная мораль регулирует социальные отношения через ритуал «ли».

Универсальное правило гуманного поведения – «не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе», однако содержательное значение гуманизма в конфуцианском осмыслении более многомерно. Конфуцианский гуманизм в интерпретации Ду Вэймина можно охарактеризовать как антропокосмический, инклюзивный и социоцентрический, в своей сущности отличный от классического западного трактования. Н.И. Мигунов, сотрудничающий с Институтом перспективных гуманистических исследований Пекинского университета, так резюмировал отличие конфуцианского гуманизма от классического европейского: «В противоположность западному антропоцентризму конфуцианский гуманизм антропокосмичен, это инклюзивистский гуманизм, что, впрочем, означает не приспособление и конформизм (Вебер), а принятие мира. ... Конфуцианское самотрансцендирование человека “возвращает” его в мир» [19, с. 156]. Гуманность, или человечность, человеколюбие, в конфуцианском осмыслении также отлична от западного трактования. «Човеколюбие в китайской традиции является проявлением гуманизма, направленным на предоставление гражданам не того, что они хотят, а того, что даст им возможность гармонично существовать» [20, с. 114]. Важность «общественного» в конфуцианской гуманности подчеркнута и в [21]. Автор отмечает: «Жэнь как аспект китайского традиционного (т. е. конфуцианского) осмысления несколько шире западного «човеколюбия», так как предполагает такие межличностные отношения, в которых подразумевается отказ от собственных эгоистических устремлений во имя всеобщего процветания» [21, с. 332]. В этом состоит особенность гуманистических идей в конфуцианском осмыслении – центральными выступают социальные отношения человека, а не отдельно человек как сверхценность. То есть, в отличие от западного индивидуалистического гуманизма, в конфуцианстве человек рассматривается через призму окружающего его социума.

Глобальная роль конфуцианского гуманизма в развитии современного Китая

Вызванный глобализационной культурой кризис нравственности и гуманистических ценностей человечества диктует необходимость формирования глобальной этики, принимающей многообразие форм в своем единстве. Формируется новый вектор цивилизационного развития под названием «глокализация». В этой связи был предложен новый термин – «глокалоэтика»: «Глокалоэтика отвечает на вызовы эпохи и демонстрирует энергично глоболизирующемуся миру новую этическую матрицу, предполагающую уже не столько компиляцию из разных культурно-антропологических моделей морали (этакий постмодернистский «нравственный паштет»), сколько принципиально инновационную для всей классической этики познавательную перспективу и культурно-идентификационную возможность – состыковку –

сосуществование рациональной морали и реальных нравов» [22, с. 70]. Китай предлагает свой вариант «новой этической матрицы» – конфуцианский проект.

Так, Китай диктует миру свой вектор глобализационного развития, этической доминантой, или сущностью «ти» которой выступает конфуцианство. Концепция конфуцианского гуманизма Ду Вэймина в предлагаемом исследовании рассматривается как «живая традиция» китайского общества. Обращаясь к вопросам мирового масштаба, как-то: формирование глобальной этики, мирового устройства, межкультурного диалога, Н.И. Мигунов с отсылкой на Ду Вэймина подчеркивает: «Мы находимся в довольно сложном положении, – <...>, – нам предстоит преодолеть три преобладающие... дихотомии: “традиционное–современное”, “западное–незападное”, “локальное–глобальное”» [23, с. 15]. Исследователь также обращается к конфуцианской концепции общества Великого Единения и гармоничного общества как к новой глобальной парадигме развития человечества: «The Confucian tradition has accumulated a wealth of profound insights into the nature of human life, insights that display genuine concern for the welfare of humanity and the pursuit of a grand harmony» (пер. автора: «Конфуцианская традиция накопила богатство глубоких прозрений природы человеческой жизни, прозрений, которые демонстрируют подлинную заботу о благополучии человечества и стремление к великой гармонии») [24, с. 381].

Заключение

В поиске своего аутентичного пути в новых экономических и социокультурных условиях Китай выбрал путь сочетания философско-культурных традиций и западных новаций, следуя идеологической формуле «ти-юн». Политика «углубления китаизации» возрождает конфуцианские ценности, в том числе и традицию конфуцианского гуманизма. В конфуцианстве делается акцент на человеке человеческом (*Homo humanus*) и на его роли в системе общественных отношений. Ду Вэймин посвятил свои исследования конфуцианскому гуманизму, который он называет «живой традицией», акцентируя внимание на его значимости для укрепления нравственных основ современного китайского общества. Такие конструкты конфуцианского гуманизма, как гуманность «жэнь», а также ритуал «ли», выполняющий регулирующую функцию в китайском социуме, находят свое отражение в этико-ритуальных традициях, актуальных и в современном Китае, а гармония «хэ» является условием построения идеального общества по Конфуцию – «гармоничного общества» согласно политической повестке китайского партийного руководства. Традиции конфуцианского гуманизма служат своего рода «моральным компасом» для китайского общества, проявляясь во всех сферах жизни – от семейных отношений до взаимодействия с друзьями и коллегами. Постулаты конфуцианства формируют ценностную систему, которая объединяет личные и общественные нормы поведения. На фоне небывалого экономического успеха Китая, политики возрождения конфуцианских ценностей и назревшей необходимости формирования глобальной этики представляется актуальным дальнейшее изучение влияния гуманистических традиций конфуцианства на формирование мировой идеологии нового гуманизма в целом и на современное китайское общество в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мигунов Н.И. Современное новое конфуцианство: институциональный аспект // Общество и государство в Китае. – 2014. – Т. 44. – № 2. – С. 699–706.
2. Бальчиндоржиева О.Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра философских наук. – Улан-Удэ, 2015. – 42 с.
3. Буров В. Поднебесная принадлежит всем. О духовной составляющей социализма с китайской спецификой. Литературная газета. – 2007. URL: <https://lgz.ru/article/podnebesnaya-prinadlezhit-vsem/> (дата обращения 16.09.2024).

4. Китайско-русский электронный словарь // BKRS. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%80%AB%E7%90%86> (дата обращения 16.09.2024).
5. Моу Цзунсань. Синь ти юй син ти (Сущность духа и сущность [человеческой] природы): В 3 т. – Тайбэй, 1968. – Т. 1. – 595 с.
6. Rošker J. Confucian Humanism and Democracy // *Confucian Relationism and Global Ethics*. – 2023. – P. 56–73. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004546264_005
7. Буланже П.А. Да-сюэ, или Великая наука Конфуция // Будда. Конфуций: жизнь и учение / пер. П.А. Буланже. – М.: Искусство, 1995. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bulanzhe-pavel-aleksandrovich/zhiznj-i-uchenie-konfuciya/5> (дата обращения 16.09.2024).
8. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь Юй» / пер. с китайского, комментарии Л.С. Переломова. – М.: Восточная литература, 1998. – 588 с.
9. Колбановский В.В. Социальные традиции и инновации: (исторический контекст, теоретические подходы и определение понятий) // *Вестник Института социологии*. – 2012. – Т. 3. – № 1. – С. 1–23.
10. Абрамян Э.Г. Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры // *Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума*. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1978. – 124 с.
11. Tu Wei-Ming. Confucius and confucianism // *Confucianism and the family*. – 1998. – С. 3–36.
12. Ду Вэймин. Сообщество, человек и антропокосмическое видение в конфуцианском гуманизме // *Фонарь Диогена: человек в многообразии практик*. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 175–192.
13. Tu Wei-Ming. Confucian humanism as a spiritual resource for global ethics // *Peace and Conflict Studies*. – 2009. – Vol. 16. – № 1. – Article 1. DOI: 10.46743/1082-7307/2009.1099
14. Семенов И.И. Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / пер. с китайского, примечание и приложения Семенов И.И. – М.: Восточная литература, 2016. – 901 с.
15. Wing-Tsit Chan. The evolution of the Confucian concept Jen // *Philosophy East and West*. – 1955. – Vol. 4. – № 4. – P. 295–319. DOI: 10.2307/1396741
16. Tu Wei-Ming. The creative tension between Jen and Li // *Philosophy East and West*. – 1968. – Vol. 18. – № 1/2. – P. 29–39. DOI: 10.2307/1398034
17. Tu Wei-Ming. Li as process of humanization // *Philosophy East and West*. – 1972. – Vol. 22. – № 2. – С. 187–201. DOI: 10.2307/1398124
18. Ду Вэймин. Духовный гуманизм: личность, социум, Земля и Небо // *Век глобализации*. – 2019. – № 2. – С. 16–37. DOI: 10.30884/vglob/2019.02.02
19. Мигунов Н.И. Конфуцианство и построение современного общества // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. – 2014. – № 3. – С. 151–158.
20. Шалагина С.В., Сердюк А.В. Философские концепции ритуала и человеколюбия как основа системы социального кредита в Китае // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2021. – № 2 (36). – С. 109–117. DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-109-117
21. Митькина С.А. Категория гуманности в китайской культурно-философской традиции // *Знание. Понимание. Умение*. – 2015. – № 2. – С. 330–337. DOI: 10.17805/zpu.2015.2.35
22. Согомонов А.Ю. Глокальность (Очерки социологии пространственного воображения) // *Глобализация и постсоветское общество* / под ред. А. Согомонова, С. Кухтерина. – М.: Стови, 2001. – С. 60–80.
23. Мигунов Н.И. Конфуцианский путь Ду Вэймина // *Век глобализации*. – 2014. – № 1. – С. 13–15.
24. Tu Wei-Ming, Yu B., Lu Z. Confucianism and modernity – insights from an interview with Tu Wei-ming // *China Review International*. – 2000. – Vol. 7. – № 2. – P. 377–387. DOI: 10.1353/cri.2000.0117

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Скальная, аффилированный исследователь Центра исследований Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона Тихоокеанского университета, Перу, 15072, г. Лима, ул. Луис Санчес Серро, 2050. oxanaskalnaya@gmail.com

Поступила в редакцию: 12.10.2024

Поступила после рецензирования: 25.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Migunov N.I. Contemporary new Confucianism: institutional aspect. *Society and State in China*, 2014, vol. 44, no. 2, pp. 699–706. (In Russ.)

2. Balchindorzhieva O.B. *Modernization of Chinese society: socio-philosophical analysis*. Dr. Dis. Abstract. Ulan-Ude, 2015, 42 p. (In Russ.)
3. Burov V. The Celestial Empire belongs to everyone. On the spiritual component of socialism with Chinese characteristics. *Literary newspaper*, 2007. (In Russ.) Available at: <https://lgz.ru/article/podnebesnaya-prinadlezhitvsem/> (accessed: 16 September 2024).
4. Chinese-Russian Electronic Dictionary. *BKRS*. (In Russ.) Available at: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%80%AB%E7%90%86> (accessed: 16 September 2024).
5. Mou Zongsan. *Xinti yu xinti (The Essence of Spirit and the Essence of [Human] Nature)*. In 3 vol. Taipei, 1968. Vol. 1, 595 p. (In Russ.)
6. Rošker J. Confucian Humanism and Democracy. *Confucian Relationism and Global Ethics*, 2023, pp. 56–73. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004546264_005
7. Boulanger P.A. Da-xue, or the Great Science of Confucius. Translated by P.A. Boulanger. *Buddha. Confucius: Life and Teaching*. Moscow, Iskustvo Publ., 1995. (In Russ.) Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bulanzhe-pavel-aleksandrovich/zhiznj-i-uchenie-konfuciya/5> (accessed: 16 September 2024).
8. Perelomov L.S. *Confucius "Lun Yu"*. Translated from Chinese, comments by L.S. Perelomov. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1998. 588 p. (In Russ.)
9. Kolbanovsky V.V. Social traditions and innovations: (historical context, theoretical approaches and definition concepts). *Vestnik instituta sotziologii*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 1–23. (In Russ.)
10. Abramyan E.G. Innovation and stereotyping as mechanisms of development of ethnic culture. *Methodological problems of ethnic cultures. Materials of the symposium*. Yerevan, Academy of Sciences of Armenia SSR Publ. House, 1978. 124 p. (In Russ.)
11. Tu Wei-Ming Confucius and Confucianism. *Confucianism and the family*, 1998. pp. 3–36.
12. Tu Wei-Ming. Sociality, individuality and anthropocosmic vision in Confucian humanism. *Diogenes' Lantern: Man in the Diversity of Practices*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 175–192. (In Russ.)
13. Tu Wei-Ming. Confucian Humanism as a Spiritual Resource for Global Ethics. *Peace and Conflict Studies*, 2009, vol. 16, no. 1, article 1. DOI: 10.46743/1082-7307/2009.1099
14. Semenenko I.I. Mengzi: in a new translation with classical commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi. Translated from Chinese, notes and appendices by I.I. Semenenko. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2016. 901 p. (In Russ.)
15. Wing-Tsit Chan. The evolution of the Confucian concept Jen. *Philosophy East and West*, 1955, vol. 4, no. 4, pp. 295–319. DOI: 10.2307/1396741
16. Tu Wei-Ming. The creative tension between Jen and Li. *Philosophy East and West*, 1968, vol. 18, no. 1/2, pp. 29–39. DOI: 10.2307/1398034
17. Tu Wei-Ming. Li as process of humanization. *Philosophy East and West*, 1972, vol. 22, no. 2, pp. 187–201. DOI: 10.2307/1398124
18. Tu Wei-Ming. Spiritual humanism: individual, society, earth and heaven. *Century of Globalization*, 2019, no. 2, pp. 16–37. (In Russ.) DOI: 10.30884/vglob/2019.02.02.
19. Migunov N.I. Confucianism and the construction of modern society. *East. Afro-Asian societies: history and modernity*, 2014, no. 3, pp. 151–158. (In Russ.)
20. Shalagina S.V., Serdyuk A.V. Philosophical concepts of ritual and humanitarianism as the basis of the social credit system in China. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economics*, 2021, no. 2 (36), pp. 109–117. (In Russ.) DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-109-117
21. Mitkina S.A. The category of humanity in Chinese cultural and philosophic tradition. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 2, pp. 330–337. (In Russ.)
22. Sogomonov A.Yu. Glocality (Essays on the Sociology of Spatial Imagination). *Globalization and Post-Soviet Society*. Eds. A. Sogomonov, S. Kukhterin. Moscow, Stovi Publ., 2001. pp. 60–80. (In Russ.)
23. Migunov N.I. The Confucian Path of Du Weiming. *The Century of Globalization*, 2014, no. 1, pp. 13–15. (In Russ.)
24. Tu Wei-Ming, Yu B., Lu Z. Confucianism and modernity – insights from an interview with Tu Wei-ming. *China Review International*, 2000, vol. 7, no. 2, pp. 377–387. DOI: 10.1353/cri.2000.0117

Information about the authors

Oxana A. Skalnaya, Affiliated Researcher, Universidad del Pacífico, 2050, Luis Sánchez Cerro street, Lima, 15072, Peru. oxanaskalnaya@gmail.com

Received: 12.10.2024

Revised: 25.12.2024

Accepted: 30.12.2024